

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-0

Шаронова С. А.¹, | Социология православных сообществ
Васильев А. В.² | (к методологии исследования)

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия; sharonova-sa@rudn.ru

² Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Россия; alexvas99@mail.ru

Аннотация. Стремительные процессы, происходящие в современной социологии и религии, находят свое отражение и в исследованиях православных сообществ. Как показывает практика, применяемые методологические подходы и методы, разработанные европейскими учеными, начинают не удовлетворять ни российских социологов, ни церковнослужителей. Цель данной статьи состоит в обосновании использования теологического подхода в социологических исследованиях. Мировое научное сообщество волнуется факт разрушения традиционных христианских религий. В своих исследованиях зарубежные социологи ищут причины и объяснения данным тенденциям. Опираясь на агностические принципы, они все больше и больше погружаются в научный нигилизм, приобретающий трагические очертания в своей антирелигиозной направленности. Православие в России переживает этап возрождения. Из первого периода эмоционального подъема, длившегося с конца XX столетия по первую декаду XXI-го, российское общество в настоящий момент выходит, и этим объясняется снижение количества посещения церкви верующими. Специфика православной религии и истории РПЦ требует новых подходов в изучении процессов, происходящих внутри православного сообщества. Основные подходы и инструментарий исследования находят отражение в данной статье.

Ключевые слова: теологический подход; православие; социология религии

Для цитирования: Шаронова С.А., Васильев А.В. Социология православных сообществ (к методологии исследования) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 102-114. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-0

S. A. Sharonova¹, | Sociology of Orthodox communities
A. V. Vasiliev² | (towards research methodology)

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklay St, Moscow, 117198, Russian Federation; sharonova-sa@rudn.ru

² Moscow State Linguistic University, bld. 1, 38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation; alexvas99@mail.ru

Abstract. The rapid processes taking place in modern sociology and religion are also reflected in studies of Orthodox communities. As practice shows, the applied methodological approaches and methods developed by European scientists are

beginning to satisfy neither Russian sociologists nor clergy. The purpose of this article is to justify the use of the theological approach in sociological research. The global scientific community is concerned about the destruction of traditional Christian religions. In their research, foreign sociologists are looking for reasons and explanations for these trends. Relying on agnostic principles, they are increasingly immersed in scientific nihilism, which takes on tragic contours in its anti-religious orientation. Orthodoxy in Russia is experiencing a stage of revival. Russian society is currently emerging from the first period of emotional upsurge, which lasted from the end of the 20th century to the first decade of the 21st century, and this explains the decline in the number of believers visiting the Church. The specifics of the Orthodox religion and the history of the Russian Orthodox Church require new approaches to the study of processes occurring within the Orthodox community. The main approaches and research tools are reflected in this article.

Keywords: theological approach; Orthodoxy; sociology of religion

For citation: Sharonova S. A., Vasiliev A. V. (2023), “Sociology of Orthodox communities (towards research methodology)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (4), 102-114, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-0

Введение

Методологические принципы социологии религии были сформулированы еще в работах Э. Дюркгейма, в частности в исследовании «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии». Э. Дюркгейм не являлся приверженцем какой-либо веры или религии. Тем не менее не случайно в своих поисках выявления механизмов социального измерения религиозных сообществ он обратился к первобытным религиям. Сложные взаимоотношения существующих традиционных религий и возникающих новых, по его мнению, можно изучать, опираясь на универсальные закономерности, которые легче всего выделить в первозданном состоянии. И ему действительно удалось найти эти универсальные элементы: религиозные явления (верования и обряды), религиозное мышление (мир сакральный и мир профанный). Он также доказал неотделимость церкви от религии, и показал, что «Церковь – это не просто священническая братия; это единое моральное сообщество, включающее в себя всех людей, исповедующих одну и ту же веру, – и мирян, и священников» (Дюркгейм, 2018: 117).

Эти базовые положения до сих пор служат фундаментом социологии религии. Независимо от новых теорий и течений все последующие и современные ученые основывают свои исследования на изначально заданных Дюркгеймом векторах универсальных методологических принципов. «Выдающиеся социальные мыслители девятнадцатого века – Огюст Конт, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Карл Маркс и Зигмунд Фрейд – все считали, что религия постепенно потеряет свое значение и перестанет быть значимой с приходом индустриального общества. <...> Смерть религии была общепринятой точкой зрения социальных наук на протяжении большей части двадцатого века; действительно, она считалась эталонной моделью социологического исследования, в которой секуляризация была поставлена в один ряд с бюрократизацией, рационализацией и урбанизацией как ключевыми историческими революциями, превратившими средневековые аграрные общества в современные индустриальные нации» (Norris, 2019: 3). Еще более пессимистично звучат слова Ч.Р. Миллса: «Когда-то мир был наполнен сакральным – в мыслях, практике и институциональной форме.

После Реформации и Возрождения по всему миру прокатились силы модернизации, и секуляризация как следствие исторического процесса ослабила господство сакрального. Со временем священное полностью исчезнет, за исключением, возможно, частной сферы» (Mills, 1959: 32-33).

Однако с середины XX столетия начала формироваться другая методологическая платформа изучения религиозного общества: религия отделяется от сакрального. Так, Т. Лукман и П. Бергер в ходе своих исследований приходят к выводу, что религиозность – это качество, присущее самой природе человека, меняются лишь формы ее проявления, которые связаны с социальными изменениями в данном обществе (Бергер, Лукман, 1995: 323). Феномен новой религиозности западные ученые начинают рассматривать как сдвиг от традиционной религиозности к нетрадиционной, не институциональной, приватной религиозности. Еще в 1960-е годы некоторые авторы называли этот феномен «расцерковленностью» (de-churchification) (Руткевич, 2008). Одним из ярких представителей данного направления был лютеранский проповедник Дитрих Бонхёффер. Ученые приходят к общему мнению, что современное религиозное общество нельзя изучать с позиций секуляризации традиционных религий, и одновременно они отмечают, что на фоне возрастающей политизации церковных лидеров у миллионов простых людей возникла потребность обращения к религии (Мерфи, 2004: 13).

Непризнание Бога приводит социологов и общество в целом к восприятию сакрального на уровне первобытного общества. Когда люди «отправляются на поиски духовного, они хотят найти источники и смысл их существования, они хотят снова обрести чувство трансцендентного и божественного,

они хотят восстановить единство каждого человека с другим человеком, с природой, со всей реальностью...» (Мерфи, 2004: 13).

В России в конце XIX – начале XX столетия в научном сообществе религия была предметом исследования философов, теологов. Несмотря на то, что изначально социология религии за рубежом развивалась преимущественно как прикладная отрасль социологического знания, на заре развития социологии в начале XX столетия в России и за рубежом была сделана попытка выделить христианскую социологию. Основой для ее возникновения послужила та часть представителей русской философии, которая имела религиозную направленность. К ней относятся русские философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и многие другие. К сожалению, после того как в 1922 г. вышло постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» и по инициативе В.И. Ленина были высланы знаменитые ученые, являющиеся представителями гуманитарных и социальных наук, в стране начались процессы реорганизации высшей школы. В результате к концу 1930-х гг. социология была вытеснена из числа общественных наук, была объявлена «лженаукой» и запрещена, и дальнейшего развития многие ее начинания не получили. В годы советской власти работы некоторых из высланных ученых легли в основу научной дисциплины религиоведения, которая вбирала в себя философию и историю религии, культурологию, психологию религии.

В 1990-е годы в России сложилась уникальная ситуация. Свобода слова и вероисповедания, закрепленные Конституцией РФ¹ в 1993 г., предоставили гарантии для восстановления института религии на территории России. Началось бурное возрождение православия. По данным различных аналитических организаций

¹ ФЗ РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ

[Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 19.04.2022).

(«Левада-Центра», фонда «Общественное мнение», Российской академии наук), на 2012-2013 гг. количество православных верующих по отношению к представителям других конфессий колебалось от 64 % до 79 %². Православие всегда было доминирующей конфессией в России и играло главенствующую роль во взаимоотношениях религиозного общества и власти. Совместно с процессами восстановления православия появилась потребность исследования того, как происходят эти процессы, как они влияют на общество; стали возникать и другие вопросы, касающиеся жизни православного сообщества.

Российские социологи активно включились в изучение новой социальной реальности. Практики собственных исследований в этой области не было, и им пришлось обратиться к методологии и методам зарубежных коллег. В начале 1990-х гг. В. Ф. Чесноковой была разработана методика измерения православного сообщества через индекс «воцерковленности». Однако по прошествии некоторого времени стало ясно, что, «как бы ни было значимо для оценки степени религиозности выявление удельного веса практикующих верующих, соблюдающих все предписания, обряды и ритуалы: 1) их роль в качестве индикаторов религиозности переоценивать нельзя; 2) более весомым является проникновение религиозных взглядов в повседневную жизнь, внекультовое религиозно ориентированное поведение. На основании выполнения всех предписанных обрядовых действий человек может считаться воцерковленным, но будет ли он при этом истинно религиозным? Как ни парадоксально, здесь может быть несовпадение» (Алексеева, 2009: 100). Со стороны православного духовенства отношение к результатам социологических опросов тоже было

проникнуто скептицизмом. Сам индекс «воцерковленности» как внешний маркер вызывал сомнение в определении количества и качества верующих.

К 2021 г., как отмечает Т.Н. Грудина, возросло тематическое разнообразие исследований в области религии, а именно, как «проблемы религиозного фундаментализма, религиозного национализма, секуляризации, так и темы, связанные с религиозным выбором, взаимоотношением религии и общества, изучением феномена “религиозности”, социальными аспектами религиозной жизни. Активно развиваются исследования мотивов и направлений религиозного поиска среди молодого поколения нашей страны. Особое внимание исследователей привлекло к себе так называемое религиозное возрождение на постсоветском пространстве и в бывших социалистических странах» (Грудина, 2021: 20).

Но чем глубже исследователи начинали погружаться в изучение православного сообщества, тем больше приходило осознание того, что социологический инструментарий измерений степени религиозности населения, а также выявления мотивов, склонности индивидов подчинять свою жизнь требованиям их веры слабо разработан.

Попытку использовать теологические знания для изучения социальных процессов внутри религиозного сообщества предприняли американские исследователи, которые в 1938 г. отделили религиозную социологию от социологии религии и создали Американское католическое социологическое общество. Религиозная социология позднее перешла под крыло католической и протестантской Церквей и стала называться «церковная социология», «пастырская социология», «конфессиональная социология».

В начале 2000-х гг. в России активно муссировалась идея создания православной

² Религия в России. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/religii-v-rossii/> (дата обращения: 19.04.2022).

социологии (Добренков, 2012), но дальнейшего развития это направление социологической мысли не имело. Если российская христианская социология конца XIX – начала XX веков разрабатывала собственное учение о прогрессе, исходя из религиозного мировоззрения и религиозных идеалов, имеющих не эмпирическую природу, а сформированных за пределами науки (Проказин, 2023), то современные идеологи православной социологии не смогли выработать методологические и теоретические отличия православной социологии. Проводя эмпирические исследования, ученые обозначают предмет своего исследования как современное православие (Бочкарев, 2016), выделяя часть общества по признакам принадлежности к определенной религии, тем самым продолжая традиции социологии религии и налаживая «диалог между столетиями» (Sharonova, Beavitt, 2020).

Теологические импликации в социологических исследованиях

Как отмечает А.Б. Зубов, современное религиоведение разработало ряд методов анализа, используемых учеными, а «религиозный феномен исследуется сам по себе в системе его собственной логики, принимается как реальность постольку, поскольку в него верят не исследователи, а исследуемые» (Зубов, 1997: 14).

Следуя за логикой данного высказывания, остановимся на методологии теологического подхода.

Понятие «теологический подход» ученые рассматривают в определенном контексте: «...неверующий ученый, как бы ему того ни хотелось, как бы ни были ему симпатичны его верующие сограждане, не сможет говорить с христианской аудиторией на ее языке, языке библейской культуры, социальной теологии, сам не пройдя через метания, через перестройку собственного мышления, не отказавшись от стереотипов атеистического мироистолкования. Он останется на секулярной территории социологического дискурса и не сможет давать удовлетворительные в

глазах христианской аудитории интерпретации актуальных социальных проблем» (Бачинин, 2014: 120). В статье американского ученого Пола Хеджеса, посвященной изучению религии, мы находим следующее определение: «Теологический подход изучает религию и стремится понять, что она означает для верующих в своих собственных терминах, и как эта система работает в качестве рационального мировоззрения для тех, кто в ней находится» (Hedges, 2013).

Однако если первое определение можно отнести к сугубо научному пониманию феномена религии, то во втором определении просматривается специфика католического мышления. И.А. Ильин подчеркивал, что «православие и католичество одинаково возводят свою веру ко Христу, Сыну Божию, и к евангельскому благовествованию. И тем не менее их религиозные акты не только различны, но и несовместимы по своей противоположности» (Ильин, 2016: 55). Специфика католического мышления второго определения теологического подхода концентрируется в словах «рациональное мышление». Католическая церковь в своих традициях опирается на интеллектуальные способности человека: он может собственными силами достичь спасения души. В православии догматизировано, что этого можно достичь только при совместных усилиях Бога и человека (богообщении). И.А. Ильин в своей работе «О православии и католичестве» очень подробно раскрыл отличия этих двух конфессий, начиная с первичного акта принятия веры: «Первичное и основное пробуждение веры для православного есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божия во всей Его благодати, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и приемлет Его как сущую правду Божию, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого совершенства православный познает свою греховность, укрепляет и очищает им свою совесть и вступает на путь покаяния и

очищения. Напротив, у католика “вера” пробуждается от волевого решения: довериться такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и поклониться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая и вопрос добра и зла, греха и его допустимости» (Ильин, 2016: 55).

В нашем понимании теологический подход социологии религии связан не с изучением самой религии, а с исследованием конкретного сообщества, принадлежащего к определенной религии, с опорой на опыт и теологические знания. Исследование православного сообщества возможно только исходя из православной религии, общенаучные подходы будут предлагать, в лучшем случае, поверхностный анализ процессов, происходящих в данном сообществе, либо искажать реальность. Искажение реальности напрямую связано с латентными механизмами разрушения самой сути православия. Как справедливо писал Александр Шмеман: «Люди ждут и жаждут веры – мы предлагаем им религию. И это противоречие, это “несовпадение” все глубже, все страшнее» (Шмеман, 2005: 120).

Методологический инструментарий

Несомненно, предшествующий опыт, сформированный в рамках социологии религии, является методологическим базисом с точки зрения техники исследования, способов, методов, приемов научного исследования для формирования уникального инструментария социологического исследования православного сообщества с помощью теологического подхода.

1. История формирования набора инструментов для изучения религиозного сообщества начинается с французского ученого Г. Ле Бра. Религиозная практика рассматривалась им одновременно и как *зависимая переменная*, и как *независимая величина*.

Попробуем определить, в чем выражается *зависимая переменная религиозной практики* при использовании

теологического подхода. Можно предложить двухуровневую структуру религиозной практики: *церковная религиозная практика* и *личная религиозная практика верующего*.

Влияние на формирование и развитие церковной православной практики оказывают следующие факторы:

- развитие теологических знаний. В своем докладе на богословской конференции 2000 г. Филарет, митрополит Минский и Слуцкий, отметил главную задачу богословия: «Догматы не создаются, они лишь с необходимой общеобязательностью и нормативностью фиксируют в слове веру Церкви. Но то, как и почему избираются именно такие слова и термины, почему объявляются еретическими те или иные утверждения богопостигающей мысли, – есть дело богословия»
- российское православное сообщество имеет свою уникальную историю, которая отличается от истории других поместных православных Церквей. Русская православная церковь перенесла в XX столетии исторически невиданные гонения. На рубеже XX–XXI вв. она пережила бурное возрождение. В контексте таких драматических преломлений сохранение чистоты интерпретации библейских текстов является главной задачей. И в то же время следует учитывать, что библейский текст изначально писался в определенное историческое время, и в последующие эпохи в разных культурах он преломлялся и понимался по-своему (Селезнев,
- мировой уклад экономических и политических отношений. В конце XX столетия после разрушения СССР и социалистического лагеря усилия РПЦ были направлены на восстановление канонического

общения между Московским патриархатом и Русской зарубежной церковью. Подписанный 17 мая 2007 года «Акт о каноническом общении» внес вклад в консолидацию русской диаспоры за границей, стал одним из шагов по восстановлению утраченного единства всего «русского мира,» одной из духовных основ которого всегда была православная вера. Однако это единение не могло происходить автоматически. За прошедшее столетие зарубежные поместные церкви испытывали сильное влияние со стороны католической, протестантской Церквей. Некоторые из православных священников стали придерживаться экуменических взглядов.

Все перечисленные выше переменные позволяют исследовать религиозную практику Православной церкви.

Изучение личной религиозной практики верующего невозможно без понимания конкретной ситуации, того контекста церковной религиозной практики, который позволяет выстраивать интерпретации получаемых данных.

Теперь остановимся на характеристике *независимой величины религиозной практики* при использовании теологического подхода.

Для христианского вероучения такой независимой величиной является догмат. Догматическое учение Церкви является фундаментальной основой для личности, общества и мира в целом. Для изучения церковной религиозной практики догматы служат границами, определяющими отличие православного вероучения от католического и протестантского. Для исследования личной религиозной практики догматы помогают определить точные границы, за которыми заканчивается христианство и начинается ересь. Однако исследователям, с одной стороны, надо понимать, что догматические истины представляют собой «суть истины опыта,

истины жизни, и раскрываться они могут и должны не через логический синтез или анализ, но только через духовную жизнь, через наличность засвидетельствованного вероучительными определениями опыта» (Фроловский, 1927: 252). С другой стороны, «каждая эпоха выдвигает свои собственные взгляды, понятия, вопросы, ереси и возражения против христианской истины или повторяет забытые старые. Богословию естественно принимать во внимание эти запросы времени, отвечать на них и соответственно им излагать догматические истины. В этом смысле можно говорить о развитии догматического богословия, как науки. Но нет достаточного основания говорить о развитии догматов Церкви» (Помазанский, 2015: 22).

2. Следующий инструмент для изучения религиозного сообщества был предложен немецко-американским протестантским теологом, социологом И. Вахом – понимание религиозного опыта как *переживания священного*. Для понимания религиозного опыта в православии главным является опыт богообщения. «Святое общение с Богом является прямой необходимостью человека. Вне этого общения человек не только грешен, но и прямо нравственно мертв. В силу этого истинный христианин жаждет Богообщения как своей заветной цели (см.: Флп.1:23)» (Богообщение).

Богообщение

В социологии индикаторами измерения нравственного состояния общества выступают общечеловеческие ценности. Ученые в определении понятия «общечеловеческие ценности» единодушно отмечают социальную обусловленность набора этих ценностей. Природа формирования общечеловеческих ценностей представляет собой «смысловые универсалии, кристаллизовавшиеся в результате обобщения различных ситуаций, с которыми общество или человечеству пришлось сталкиваться в истории» (Франкл, 1990: 301). Таким образом, набор

общечеловеческих ценностей и их интерпретации зависят от мнения и опыта людей, живущих в конкретный исторический период, относящихся к конкретным культурам, представляющих собой определенную социальную группу и т. д.

Ценности в православии, конечно, есть, но они вторичны по отношению к богопознанию и не самодостаточны. Ведь мораль и нравственность есть не только в христианстве. «В Православии под духовностью понимается не просто нравственная чистота, но нечто большее – то благодатное состояние верующего, которое апостол Павел наделяет плодами Духа Божьего: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал.5:22-23). Эти плоды приобретаются жизнью по заповедям Евангелия в покаянии, смирении и постоянным молитвенным обращением к Господу Иисусу Христу» (Осипов).

Смыслом жизни православного верующего является богообщение. Богообщение совершается через действия Бога в человеческой душе и обстоятельства человеческой жизни. Общение человека и Бога происходит посредством молитвы, восприятия Божественного Откровения, участия в Церковных Таинствах. Как отмечает В.Н. Лосский: «Опыт богообщения характеризуется тремя взаимосвязанными аспектами: связь богословия и мистики, личностный характер христианского богопознания и основанность опыта богообщения на Божественном откровении» (Лосский, 1991: 20).

Выделенные аспекты, на первый взгляд, выходят за рамки научного анализа. Тем не менее архимандрит Рафаил (Карелин), описывая единство мистики и религии, в заголовке статьи «Мистика – очевидность веры» сформулировал один из индикаторов изучения личного религиозного опыта верующих (Рафаил, 2022). В качестве показателей можно использовать следующие выделенные им характеристики мистики:

- «Православная мистика основана на чувстве тайны и благоговения перед Создателем мира, а в некотором смысле, – перед Его творениями, в которых мистик видит тень Божества. Мистика неразрывно связана с аскетизмом» (Рафаил, 2022).
- «Человек, потерявший или деформировавший свое мистическое чувство, сводит религию к морали, и поэтому никак не может понять, какая разница между Православием, католицизмом и протестантизмом» (там же).

К основным формам богообщения относят *жертву, молитву* и *Евхаристию*. Под понятием «жертва» в православии подразумевается исполнение заповедей Божиих, которое сопровождается отречением от собственных эгоистичных желаний, интересов и подчинением себя исключительно воле Божией.

Молитва, по определению святителя Филарета (Дроздова), есть возношение ума и сердца к Богу. Молитва – это беседа человека с Богом, но не просто словесная формула, а состояние, чувство. «Основание молитвы – стремление образа к Первообразу, как подобного к подобному» (Иоанн Кронштадтский). Один из критериев оценки действия молитвы при богообщении находится в высказывании Киприана Карфагенского: «Занимайся тщательнее либо молитвою, либо чтением: и будешь то сам с Богом беседовать, то Бог с тобою» (Киприан Карфагенский).

Слово «откровение» означает сверхъестественное открытие Богом непознаваемых истин людям. Рассуждая о феномене «откровения», Иван Андреев говорит, что «кроме убеждения в существовании Бога, человек желает и личного с Ним общения. Религия начинается не с признания Бога (это, собственно говоря, задача философии), а с общения с Ним. Это общение человека с Богом невозможно без помощи Божией. Вот эту помощь-то и дает так называемое сверхъестественное откровение» (Андреев, 2006).

Однако, как отмечает И. Андреев, «вопрос о критерии истинного откровения принадлежит к числу серьезных вопросов апологетики христианства, а потому и подлежит более тщательному рассмотрению» (Андреев, 2006). Поэтому все отобранные индикаторы, показатели, критерии для изучения личностного религиозного опыта верующих должны быть обоснованы с позиций православной апологетики и герменевтики. Со стороны апологетики социологи сверяют свои исходные данные и интерпретацию полученных данных с религиозной доктриной. Со стороны герменевтики социологи соотносят опыт интерпретаций, полученных в результате исследования данных, с опытом толкования библейских текстов.

Одним из спорных оснований использования теологического подхода в измерении процессов, происходящих в религиозном сообществе, является тот факт, что личностный характер христианского богопознания не позволяет передавать личный опыт богообщения. Привычные механизмы обучения здесь не работают. И тем не менее именно через стремление к богообщению происходит эффект единения религиозного православного сообщества на более глубинных, чем светские мораль и право, уровнях. Наличие у кого-либо из верующих опыта богообщения вселяет в окружающих чувство сопричастности. Сопричастность состоит из двух реальностей: фактической переживаемой реальности и сопричастной реальности, которая имеет потенциальный характер (Карпицкий, 2008). Именно потенциальный характер сопричастной реальности обладает притягательной силой и выступает инструментом признания чужого опыта богообщения и единения в ожидании каждым верующим приобретения этого опыта.

Интерпретация полученных данных (герменевтические контуры)

Для изучения таких тонких, сугубо личностных практик религиозного

погружения безусловно необходимо использовать качественные методы социологического исследования: описание верующим своего личностного опыта следования православным догмам, их понимания. Это может быть глубинное интервью, анализ дневников, писем, в современной практике анализ публикаций в соцсетях. Наиболее близким способом понимания глубины религиозности верующего может быть соотношение восприятия изучаемого текста с притчей. То есть личный опыт выступает как набор притч личной религиозной практики.

Притча, как правило, открывает единый повествовательный мир (Тисельтон, 2011: 45). Авторами статьи в качестве эксперимента была предпринята попытка анализа личного религиозного опыта богообщения одного из верующих. Ему было предложено описать свой личный религиозный опыт, как он его себе представляет. Полученный текст был отдан священнику, который сделал вывод, что личный религиозный опыт богообщения респондента сводится к принятию даров от Бога, но респондент не достиг состояния откровения в богообщении.

С другой стороны, использование притчи как способа восприятия личного религиозного опыта богообщения позволяет применять аллегорическое сравнение с библейскими притчами. Но, чтобы избежать ошибок и произвола в толковании библейских текстов, следует обращаться к помощи православного священника, который знает и понимает критерии таких толкований. В этом случае социолог может получать информацию о нравственном состоянии общества и личности с позиций православия.

Как видим, в обоих случаях на помощь социологу приходят священники с их знанием и глубинным погружением в православную веру.

Не направление социологии, опирающейся на преходящие, постоянно трансформирующиеся ценности, интересы

и потребности светского мира, которое сформировалось в рамках классической социологии, а направление социологии, предложенное русскими философами в конце XIX века, которое опирается на идеалы, ценности, транслируемые извне (Богом), – может привести необходимую глубину в изучение проблем современного православного общества. Однако речь не идет о возрождении самих учений, мы говорим об использовании данных идей, подходов в современных теориях социологии религии. Чтобы понять процессы, происходящие в традиционных религиях, например, в православии, надо изучать соответствующее сообщество, исходя из постулатов самой религии. Теологический подход в социологических исследованиях не только привлекает теологические дисциплины и знания для интерпретации полученных данных, но и означает признание Бога. Видимо, именно по этой причине христианская социология в Америке ушла сугубо в лоно Католической церкви, а православная социология в контексте классической социологии не получила развития и поддержки. Последователь теологического подхода – апологетический инсайдер, и его подход может привести к совершенно иным выводам по сравнению с выводами исследователей, не включенных в религиозные практики.

Литература

- Алексеева, М.С. Воцерковленность как показатель религиозности // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 97-102.
- Андреев, И. Православная апологетика. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 187 с.
- Бачинин, В.А. Социология и теология: еще раз о контовском эпизоде интеллектуальной истории // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 112-120.
- Бергер, П., Лукман, Т. Конструирование социальной реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Богообщение // Православная энциклопедия портала «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/bogoobshhenie> (дата обращения: 14.12.2022).
- Грудина, Т.Н. Многообразие религиозного опыта в современном обществе: социологический анализ // Социология. 2021. № 5. С. 19-32.
- Добренков, В.И. Христианская и православная социология // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 3-23.
- Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.
- Зубов, А.Б. История религии. Книга первая: Доисторические и внеисторические религии (Курс лекций). М.: Институт «Открытое общество», 1997. 244 с.
- Ильин, И.А. О православии и католицизме // «То, что имеешь, держи»: Православие и католицизм в трудах русских святых и церковных мыслителей / ред.-сост. Е.В. Семёнова. М.: Традиция, 2016. С. 279-290.
- Иоанн Кронштадский, прав. Моя жизнь во Христе. Том 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/yoann_kron/tom_2/txt14.html (дата обращения: 14.12.2022).
- Карпицкий, Н.Н. Всеединство как основа ощущения жизни // Соловьевские исследования. Философия жизни. Этика. Философская антропология. Эстетика и литературная критика. Вып. 18. Иваново: Иван. гос. энерг. ун-т, 2008. С. 5-12.
- Киприан Карфагенский, сщмч. Письмо к Донату о благодати Божией [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfagenskij/pysma/ (дата обращения: 14.12.2022).
- Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 117 с.
- Мерфи, Н., Эллис, Дж. О нравственной природе Вселенной. Богословие, космология и этика. М.: Изд-во ББИ, 2004. 288 с.
- Осипов, А.И. Духовно-опытный путь Богопознания [Электронный ресурс]. URL: <https://old.alexey-osipov.ru/books-and-publications/uchebnoe-posobie-po-apologetike/dukhovno-opytnyy-put-bogopoznaniya/?ysclid=lpbvoxtu5g440429968> (дата обращения 14.12.2022).

Помазанский, М. Православное Догматическое Богословие. Клинтон: Христианская жизнь, 2015. 352 с.

Проказин, В.В. Русская «христианская социология» о позитивистской теории прогресса // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 8. С. 51-55.

Рафаил (Карелин), архимандрит. Мистика – очевидность веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/mistika-ochevidnost-veru> (дата обращения 14.12.2022).

Руткевич, Е.Д. Западная социология о перспективах религии // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 414-442.

Селезнев, М.Г. Историческое измерение библейской традиции: значение библейской критики для библейской экзегезы // Мат-лы VII Междунар. богословской конф. Русской Православной Церкви «Современная библейская наука и предание Церкви». Москва, 26-28 ноября 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://theolcom.ru/images/pdf/bible_papers/05_Seleznev.pdf (дата обращения 14.10.2023).

Тисельтон, Э. Герменевтика / пер. с англ. О. Розенберг. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с.

Филарет, митрополит Минский и Слуцкий. Оценка состояния и перспектив развития современного православного богословия // Труды Минской духовной академии. Спецвыпуск. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://minds.by/trudy/trudy-special/otsenka-sostoyaniya-i-perspektiv-razvitiya-sovremennogo-pravoslavnogo-bogosloviya#.YpXCcahBy3A> (дата обращения 14.12.2022).

Флоровский, Г., протоиерей. Христианство и цивилизация. 1927. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/hris_tianstvo-i-tsivilizatsiya/9 (дата обращения 14.12.2022).

Франкл, В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.

Шмеман, Александр, протопресвитер. Дневники 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. 318 с.

Hedges, Paul. Theological Approaches to the Study of Religion // Introduction to World Religions. Minneapolis, MN: Fortress Press, 2013. Pp. 40-42.

Mills, C.W. The sociological imagination. New York: Oxford University Press. 1959. 233 p.

Norris, P., Inglehart, R. Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 564 p.

Sharonova, S., Beavitt, Th. Jürgen Habermas and Russian Philosopher-Theologians Dialogue through the Century // European Journal of Science and Theology. 2020. No. 16 (3). Pp. 107-117.

References

Alekseeva, M. S. (2009), “Churchness as an indicator of religiosity”, *Sociological Studies*, 9, 97-102 (in Russ.).

Andreev, I. (2006), *Pravoslavnaya apologetika* [Orthodox apologetics], Publishing House of the Sretensky Monastery, Moscow, Russia (in Russ.).

Bachinin, V. A. (2014), “Sociology and Theology: Once Again on the Comte Episode of Intellectual History”, *Sociological Studies*, 5, 112-120 (in Russ.).

Berger, P. and Lukman, T. (1995), *Konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti* [Construction of social reality], Medium, Moscow, Russia (in Russ.).

“Communion with God”, *Pravoslavnaya entsiklopediya portala “Azбука very”* [Orthodox encyclopedia of the portal “ABC of Faith”] [Online], available at: <https://azbyka.ru/bogoobshhenie> (Accessed 14 December 2022) (in Russ.).

Dobrenkov, V. I. (2012), “Christian and Orthodox Sociology”, *Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science*, 2, 3-23 (in Russ.).

Durkheim, E. (2018), *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia], *Elementarnye formy*, Moscow (in Russ.).

Filaret, Metropolitan of Minsk and Slutsk (2000), “Assessment of the state and prospects for the development of modern Orthodox theology”, *Trudy Minskoy dukhovnoy akademii. Spetsvypusk* [Proceedings of the Minsk Theological Academy. Special Issue] [Online], available at: <https://minds.by/trudy/trudy-special/otsenka-sostoyaniya-i-perspektiv-razvitiya-sovremennogo-pravoslavnogo-bogosloviya#.YpXCcahBy3A> (Accessed 14 December 2022) (in Russ.).

- Florovsky, G., archpriest (1927), *Khristianstvo i tsivilizatsiya* [Christianity and Civilization] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/hris-tianstvo-i-tsvivilizatsiya/9 (Accessed 14 December 2022) (in Russ.).
- Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning], Progress, Russia (in Russ.).
- Grudina, T. N. (2021), “The diversity of religious experience in modern society: sociological analysis”, *Sociology*, 5, 19-32 (in Russ.).
- Hedges, P. (2013), “Theological Approaches to the Study of Religion”, *Introduction to World Religions*, in Partridge, Ch. (ed.), Fortress Press, Minneapolis, MN, 40-42.
- Ilyin, I. A. (2016), “On Orthodoxy and Catholicism”, *“To chto imeesh, derzhi”*: *Pravoslavie i katolitsizm v trudakh russkikh svyatykh i tserkovnykh mysliteley* [“Keep what you have”: Orthodoxy and Catholicism in the writings of Russian saints and church thinkers], in Semyonova, E. V. (ed.), Traditsiya, Moscow, Russia, 279-290 (in Russ.).
- Ioann Kronshtadskiy, righteous. *Moya zhizn' vo Khriste. Tom 2* [My life is in Christ. Vol. 2] [Online], available at: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ioann_kron/om_2/txt14.html (Accessed 14 December 2022) (in Russ.).
- Karpitsky, N. N. (2008), “All-unity as the basis for the sensation of life”, *Solovievskie issledovaniya. Filosofiya zhizni. Etika. Filosofskaya antropologiya. Estetika i literaturnaya kritika* [Soloviev Research. Philosophy of life. Ethics. Philosophical anthropology. Aesthetics and literary criticism], 18, Publishing House of Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, 5-12 (in Russ.).
- Kiprian Karfagenskiy, holy martyr. *Pis'mo k Donatu o blagodati Bozhiey* [A letter to Donat about the grace of God] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfagenskiy/pysma/ (Accessed 14 December 2022) (in Russ.).
- Lossky, V. N. (1991), *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology], Center “SEI”, Moscow, Russia (in Russ.).
- Mills, C. W. (1959), *The sociological imagination*, Oxford University Press, New York.
- Murphy, N. and Ellis, J. (2004), *O npravstvennoy prirode Vselennoy. Bogoslovie, kosmologiya i etika* [On the moral nature of the universe. Theology, cosmology and ethics], Publishing House of the St. Andrew’s Biblical Theological Institute, Moscow, Russia (in Russ.).
- Norris, P. and Inglehart, R. (2019), *Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Osipov, A. I. *Dukhovno-opytny put' Bogopoznaniya* [Spiritually-Experiential Way of Cognition of God] [Online], available at: <https://old.alexey-osipov.ru/books-and-publications/uchebnoe-posobie-popologetike/dukhovno-opytnyy-put-bogopoznaniya/?ysclid=lp6voxtu5g440429968> (Accessed 14 December 2022) (in Russ.).
- Pomazansky, M. (2015), *Pravoslavnoe dogmaticheskoe bogoslovie* [Orthodox Dogmatic Theology], Khristianskaya zhizn', Klin, Russia (in Russ.).
- Prokazin, V. V. (2023), “Russian ‘Christian sociology’ on the positivist theory of progress”, *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 8, 51-55 (in Russ.).
- Raphail (Karelin), archimandrite. *Mistika – ochevidnost' very* [Mysticism is the evidence of faith] [Online], available at: <https://azbyka.ru/mistika-ochavidnost-very> (Accessed 14 December 2022) (in Russ.).
- Rutkevich, E. D. (2008), “Western Sociology on the Perspectives of Religion”, *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyy faktor v identifikatsionnykh protsessakh)* [Religion in the Self-Consciousness of the People (Religious Factor in Identification Processes)], Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 414-442 (in Russ.).
- Seleznev, M. G. (2013), “Historical dimension of the biblical tradition: the importance of biblical criticism for biblical exegesis”, *Materialy VII Mezhdunarodnoy bogoslovskoy konferentsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi “Sovremennaya bibleyskaya nauka i predanie Tserkvi”*. Moskva, 26-28 noyabrya 2013 [Materials of the VII International Theological Conference of the Russian Orthodox Church “Modern Biblical Science and Tradition of the Church”. Moscow, 26-28 November 2013] [Online]: available at: <http://theolcom.ru/images/pdf>

/bible_papers/05_Seleznev.pdf (Accessed 14 October 2023) (in Russ.).

Sharonova, S. and Beavitt, Th. (2020), "Jurgen Habermas and Russian Philosopher-Theologians Dialogue through the Century", *European Journal of Science and Theology*, 16 (3), 107-117.

Shmeman, A., protopresbyter (2005), *Dnevnik 1973–1983* [Diaries 1973–1983], Russkiy put', Moscow, Russia (in Russ.).

Tiselton, E. (2011), *Germenevtika* [Hermeneutics], Transl. by Rozenberg, O., Kollokvium, Cherkassy, Ukraine (in Russ.).

Zubov, A. B. (1997), *Istoriya religii. Kniga pervaya: Doistoricheskie i vneistoricheskie religii (Kurs lektsiy)* [History of religion. Book One: Prehistoric and Extrahistorical Religions (A course of lectures)], Publishing House of the Open Society Institute, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Шаронова Светлана Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, Институт мировой экономики и бизнеса, Российский университет дружбы народов

имени Патриса Лумумбы (РУДН университет), ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, 117198, Россия; sharonova-sa@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2892-4785>

Васильев Алексей Валентинович, иерей, кандидат политических наук, доцент кафедры теологии Института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Россия; alexvas99@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Svetlana A. Sharonova, Doctor of Social Sciences, Professor, Institute of World Economy and Business, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklay St, Moscow, 117198, Russian Federation; sharonova-sa@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2892-4785>

Aleksey V. Vasiliev, Priest, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Theology, Institute for the Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (MSLU), bld. 1, 38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation; alexvas99@mail.ru